

«Не верю, что выросла ты в колыбели...»

Махмуд жил в родном ауле Кахабросо, а совсем недалеко от него, в Бетле, родилась Муи. Он стал непревзойденным лирическим поэтом, а она славилась неотразимой красотой.

Чтобы называться великим, Махмуду пришлось не только пройти школу почитаемого всеми аварцами Тажутдина Чанки, но и много выстрадать.

Муи перенесла немало невзгод, однако за свое главное богатство – красоту ей беспокоиться не пришлось, этим занималась сама мать-природа.

Девушка безвыездно жила в Бетле, а Махмуд приходил туда пешком из своего Кахабросо. В Бетле он учился в примечетской школе. Ее посещала и наша героиня. Вот тут-то Махмуд впервые вблизи увидел девушку небесной красоты, чей образ навечно пленил его сердце:

*Не верю, что выросла ты в колыбели,
Что песни тебе колыбельные пели,
Что грудью кормили тебя, как других,*

Ласкали, растили тебя, как других!

Смотрю на тебя, перед чудом немея:

Весь мир, словно в зеркале, вижу в тебе я!

Друзья Махмуда были удивлены, что он скоро забросил медресе. Свой поступок он объяснял тем, что азбука ему нужна была только для того, чтобы записывать свои песни и стихи.

Я думаю, причина была совсем в ином: Махмуд понимал, что родители Муи, люди довольно состоятельные, и слышать не захотят о каком-то поэте без роду и племени, сыне бедняка-угольщика. А видеть ежедневно любимую девушку и не иметь на нее никаких прав – это было выше его сил.

Вскоре Муи выдали замуж за офицера Дагестанского конно-иррегулярного полка Кебет-Магому. Началась первая мировая война, муж Муи уехал на фронт и героически погиб в бою.

В том же полку служил и Махмуд. Аллах миловал его, и он через три года без единой царапины вернулся домой. Не буду описывать, как все эти годы поэт скучал по Родине, по любимой. Скажу только, что, будучи в Австрии, он создал великолепную поэму «Мариам», посвященную Муи:

О, как сердце мое сжигает тоска,

Облака, облака, возьмите мой вздох!

Известите, прошу, небесную власть:

Пишет жалобу страсть, что я занемог!

За тобой везде брожу день за днем,

Я в народе родном пословицей стал!

Что постигло тебя? Взойди на крыльцо,

Хоть одно письмецо страдальцу отправь.

Вдова офицера не только не думала писать письма, а наоборот, когда Махмуд возвратился с войны и вновь стал домогаться ее руки, через людей предупредила, что родители непреклонны, так что пусть Махмуд оставит ее в покое.

Ах, любовь, любовь... На что только не толкает она нас! И что, думаете, придумал наш поэт? Бедняга, день за днем, на рассвете, преодолев расстояние между Кахабросо и Бетлем, появлялся в ауле и, взобравшись на небольшой холмик, начинал утреннюю серенаду. И, знаете, никто не смеялся над этим человеком. Наоборот, сочувствовали. Махмуд не был профессиональным певцом, слова песен произносил речитативом. Да и на пандуре не был мастером играть.

Однажды все-таки дрогнуло сердце вдовы. На тайной встрече она сказала: «Махмуд, ради Бога, сделай так, будто ты похитил меня». И сама предложила план: «В сумерках я пойду жарить кукурузу, а ты и твои товарищи «украдите» меня».

Едва дождалась поэт и его друзья назначенного времени. Смотрят, идет желанная. Схватили Муи, посадили на лошадь, для видимости постреляли в воздух из пистолетов и ружей и по горной тропе спустились в Ашильту. Хаджи-Мурат, друг Махмуда, хотел забрать женщину к себе, но Муи рассудила иначе: «Ты, Махмуд, иди к своим кунакам, а я пойду к своим. Так будет лучше и вернее».

– Зачем? – удивился поэт.

– Пока старики Ашильты отправятся в Бетль просить у родителей моей руки.

Муи

Довод был резонным. Влюбленные разошлись по своим кунакам. Однако утром произошло невероятное. На вопрос аксакалов, желает ли Муи выйти замуж за Махмуда, она ответила отказом.

– Меня насильно увезли, – объявила женщина.

Все были поражены коварством бетлинки. Тогда же Махмуд сказал:

*Казались мне речи твои золотыми,
Но были они медяками простыми.
Серебряным ты мне сияла лицом,
Но сердце свое налила свинцом...
Ты в мненье людском оправдаться стремилась,
Прибегла ты к злобе, коварству и лжи.
Измене молилась, обману молилась,
Какого же рая ты жаждешь, скажи?*

И только лишь через годы оставшиеся в живых поняли, почему так жестоко обошлась Муи с поэтом. Слухи об ее встрече и сговоре с Махмудом и его друзьями все равно разошлись бы, как круги от брошенного в воду камня. И тогда бы не миновать кровопролития. Вот почему пожертвовала своей любовью Муи.

А тем временем поэт терзал себя упреками: «Ах, какой я глупец, что отпустил свою голубку к кунакам!»

Глава аула Ашильта Тагули отправил Махмуда и его сообщников – Хаджи-Мурата, Абдулмажида, Мухитдина и Муи с ее отцом к окружному начальнику Арашу в Унцукуль. Тот строго принял их и рассадил одних по одну сторону от себя, других – по другую. А сам, высокий,

здоровенный, в сапогах со скрипом, в каракулевой папахе и со знаком на груди, ходил между ними то в одну, то в другую сторону.

Махмуд из Кахабросо

– Встань, Муи! – приказал наиб. – Ты сама пошла к нему или тебя украли? Отвечай!

А та в ответ:

– Разве, Араш, ты не знаешь, что я его не люблю? Они, вот эти молодцы, меня насильно забрали!

Махмуд горько улыбнулся, но ничего не сказал. Наиб впился в него своими большими глазами:

– Что же было между вами, Махмуд? Теперь ты говори!

– Если моя подруга Муи так изложила события, что мне остается добавить?

Наиб поднял и Хаджи-Мурата, а тот, не моргнув глазом, отвечал:

– Утром я взял топор и пошел к Абдулле, чтобы идти в лес. Ты же знаешь, ожидаются холода. А Абдулла мне и говорит, что из Кахабросо пришли Махмуд и Муи. Я обрадовался и пошел на них поглядеть. Вот и все!

Автор работы – Хасбулат Аскар-Сарыджа

Ответ держал и Абдулмажид:

– В сумерках они пришли ко мне...

– Кто они? – перебил его наиб.

– Как кто? Да вот же они сидят перед тобою: Махмуд и Хаджи-Мурат. Так вот, в сумерках они пришли ко мне. И все.

Мухитдин ответил:

– О приходе Махмуда и Муи я услышал на годекане. Как мог я там усидеть! Уж очень хотелось поглядеть...

– Правду ли они говорят? – обратился Араш к Муи.

– Неправда все это! – отвечала женщина.

Отец молчал. Только Араш нервно ходил туда и сюда, скрипя сапогами.

Вдруг, резко повернувшись к Муи, он приказал, чтобы та с родителем очистила помещение. После того, как женщина прикрыла за собой дверь, наиб обрушился на четверых друзей:

– Вы все одинакового роста, все одинаково рыжие и одинаково бессовестные! Убирайтесь вон отсюда, маймуны!

Он был так разгневан, что раньше четверки сам выбежал из канцелярии.

Махмуд отправился в Кахабросо, а трое его товарищей вернулись в Ашильту.

Слух о происшедшем событии с быстротой молнии распространился в горах. К Хаджи-Мурату зачастили люди: «Расскажи, какая красота у Муи, с кем из наших девушек и женщин можно сравнить ее?».

– Сравнить не берусь, боюсь, обижу ашильтинок, – отвечал Хаджи-Мурат, – но и Муи мне показалась самой обыкновенной горянкой, особой красоты я что-то в ней не увидел. Впрочем, Махмуд на нее смотрел не моими глазами... Для него она необыкновенная.

Муи умерла. Но подрастал в Бетле ее сын Гасан. Говорят, ребенку полюбилась одна из песен Махмуда.

Сосед-старик растолковал Гасану, что песня в свое время адресовалась его матери. Это очень опечалило мальчика, и он сказал: «Эх, если бы не умерла мама, а Махмуд не погиб, то я отвел бы ее за руку к нему и попросил: «Будьте вместе!».

...Много, много лет назад в пути из Унцукуля в Кахабросо меня и моих юных друзей сопровождал проливной дождь. Было холодно, хотя на дворе стоял июль.

Памятник Махмуду в Унцукуле. Автор – Хасбулат Аскар-Сарыджа

Часа два пути, и мы у разрушенного, заброшенного аула Бетль. Стены домов без крыш, некоторые сакли совсем развалились, и на их месте лежат лишь груды

камней. Заброшенный уголок.

Здесь, в Бетле, много лет назад жила и умерла любовь Махмуда – красавица Муи. В ауле ничего не осталось, что напоминало бы о них.

Время превращает в пыль даже гранит, но оно бессильно перед памятью. Имена Махмуда и Муи не забыты. Люди помнят о них и из поколения в поколение передают суровую повесть о трагической любви кахабросинца к бетлинке.